

И.В. Бабич (Москва)

**ПЕРВЫЙ ЛИФЛЯНДЕЦ
НА РУССКОЙ СЛУЖБЕ:
К БИОГРАФИИ И.-Б. КАМПЕНГАУЗЕНА**

*Не выбирают Бога и страны –
Бог и страна тебя достигнут сами
и поведут дорогами войны
в московский плен...*

Е. Чевкина

ПРОНЗИТЕЛЬНЫЕ поэтические строки, посвященные людям, чьи судьбы перекроил победоносный для России итог Северной войны, касаются Иоганна-Бальтазара Кампенгаузена лишь отчасти – постольку, поскольку он родился шведским подданным и начал службу в армии Карла XII, а закончил в армии Петра I. Свой выбор он, однако, сделал добровольно, что неоднократно подчеркивал в документах за собственной подписью. Со службой Российской империи была связана и его дальнейшая биография, которая в XIX в. привлекла внимание в контексте интереса к истории титулованных родов и к фигуре его внука, Б.-Б. Кампенгаузена, сделавшего заметную карьеру при Александре I, а отчасти – и к его собственным ученым заслугам – восстановлению Рижского лицеума и подготовке справочника о лифляндском и эстляндском дворянстве¹.

Обращение к имени И.-Б. Кампенгаузена в 1990–2010-е гг. связано преимущественно с музеефикацией одного из его имений² в современной Латвии и не сопровождается выявлением новых биографических фактов, кроме разве дополняющих прежние разночтения версий происхождения обеих его жен и локализации землевладения. Вместе с тем, двадцатилетняя служба лифляндца в

качестве российского офицера представляет несомненный интерес. Речь идет о редких, но достоверно известных эпизодах личного общения с Петром I (проявлявшим симпатию к новому подданному наряду с безусловным доверием к нему, что обнаружилось в «рижских назначениях» И.-Б. Кампенгаузена), о признании его авторитета как военного специалиста³, о «Предложении как... воинство в добрый порядок приведено может быть...», поданном на

И.-Б. Кампенгаузен

высочайшее имя в 1721 г., об уходе в отставку с воцарением Анны Иоанновны как раз в тот момент, когда «остзейцы» приобрели особые карьерные преимущества в России.

Датой рождения И.-Б. Кампенгаузена принято считать 30 июня (или июля) 1689-го⁴. В его «сказке», запрошенной Военной коллегией при анкетировании полевых полков в 1719–1720 гг., о возрасте не говорится, но действительная служба уверенно отсчитывается с 1695 г., с зачисления в солдаты пехотной лейб-гвардии. Допущению номинальной записи с малолетства, как позднее практиковалось и при русском дворе, противоречит здесь перечень «баталий» с личным участием, из которых первой названа Нарва 1700 г. Легко предположить, что одиннадцатилетний мальчик просто находился при своем отце-полковнике, если бы не то обстоятельство, что Иоганн-Бальтазар достаточно щепетилен в оценке своих военных заслуг. Он особенно отметил, что «в службе росиской на баталиях не был толко... в походах... обретался», хотя «при взятъе Тенинга и Штетина в опроши безотлучна ходил и при вылоске под Штетинном был, также и первый атак имел, как стали в первую ночь

опроши копать. Под Тенингом такожде послан ... был... два раза з двумя тысячами лодми, а именно... приказано мне было, чтоб я швецкой авангард принудил назад отступить. Второи раз приказано было мне ... дворы ломать... и в то число учинилас на меня вылоска⁵».

Остается вопрос: не относилась ли отмеченная щепетильность к определению «ранга» военных операций («баталия» и «взятье», хотя бы и с «вылосками»), но склоняемся скорее к тому, что в «первой баталии» И.-Б. Кампенгаузен в самом деле «был», но был он несколькими (?) годами старше (раз общепризнанный в литературе год рождения ссылками на источник не подтвержден).

Подробнее всего в «сказке» обрисованы не вполне типичные обстоятельства зачисления в армию Петра I. «Принят я в 1711 году марта 20 дня от самого его царского величества в Полше в местечке Слуцке, и его царское величество все милостивейше приказал г-дину генералу фелтмаршалу и ковалеру графу Шереметеву, чтоб он со мною капитуловал в подполковничкой чин. А по отъезде его царского величества из местечка Слуцка он г-дин генерал фелтмаршал и ковалер граф Шереметев дал мне маеорскую капетоляцию. И я по оной капетуляции службы не принял, но следствовал за его величеством до местечка Яворов и подал челобитную, что я маеорского чину принять не могу, понеже сам его королевское величество швецкое своих драбантов ниже подполковничья чину не жаловал. И его царское величество все милостивейше своеручно указ писал до вышепомянутого г-дина генерал фелтмаршала и ковалера графа Шереметева и по оному указу немедленно мая в 4 написан я в подполковники»⁶.

Этот эпизод занял основное (около 20 % общего объема) место в тексте, где следовало еще сообщить о происхождении, чинах и назначениях, ранениях, участии в «баталиях и акциях», собственности. Все эти пункты формуляра были командиром гренадерского его же имени полка заполнены, но именно момент начала, почти борьбы за стартовую позицию службы оказался в центре сюжета. И сюжетно это было вполне оправданно – вопрос стоял не об очередном чине, а о перемене участи.

«Баталии», участником которых он себя называет, – Нарва, Мур-Мыза, Полтава и пр. – те же, что и у других респондентов. Но раны – «три в голову, а две в тело» – были получены от новых товарищей по оружию в сражениях на стороне шведов. Перебежчиком

И.-Б. Кампенгаузен себя отнюдь не считал. Определяя свой статус и национальную принадлежность, он писал: «шляхтич я лифляндец». После перехода восточной части балтийского побережья к России и заключения под Ригой 4 июля 1710 г. между «шляхетством и земством Княжества Лифляндского» и фельдмаршалом Б.П. Шереметевым «аккордных пунктов» всем местным жителям, находившимся в «Шведском государстве», предоставлялась возможность в течение 6 месяцев (а «которые в других краях» – одного года и 6 месяцев) принять новое подданство, либо утратить права владения в этом регионе⁷.

Итак, выбор был законным, не спонтанным и не единичным. Секретарь английского посольства в России Л. Вейсброд в августе 1710 г. сообщал своему правительству, что после сдачи Риги большинство находившихся там офицеров из ливонских дворян вступили на царскую службу⁸. Бывший шведский майор, представ перед Петром I спустя 7 месяцев, на чей бы то ни было пример не ссылаясь. Согласовать друг с другом утверждения разных авторов о том, что он к этому времени получил у Карла XII отставку по форме, напротив, был схвачен с его депешей и потому присягнуть Петру I был вынужден или намеревался, как старший брат, служить Августу II, но не пожелал принять католичество, едва ли возможно. Но в преамбуле к официальной «капитуляции» черным по белому прописано: «иметь ему [И.-Б. Кампенгаузену] перед другими... лифляндцами преимущество в том, что он первый, который по изданным его царского величества манифестам о возвращении подданных исполнил и в воинскую службу вступил, которое его царское величество за особливою поступок и верность об нем почитал⁹».

Нельзя тем не менее не заметить, что капитуляция эта – именно «маеорская», которую он, судя по «сказке», не принял, отстояв производство в подполковники немедленно. Петр I, поддержав его, писал Б.П. Шереметеву из Каменца: «бил челом здесь лифляндец маеор Кампъгоузен, что ево братья двое (с которыми оной взят в службу в Слуцку¹⁰) у мест, а он по се поры за некоторым своим отлучением не успел. Того для извольте ... употребить в дело». Не беремся судить, назван ли проситель майором в силу того, что данное ему обещание не было исполнено фельдмаршалом, или почему-либо еще. Но очевидно определенное недоброжелательство влиятельной персоны к безвестному пока офицеру, несопоставимой, как сказали бы теперь, весовой категории.

О неумении И.-Б. Кампенгаузена искать покровительства сильных людей свидетельствует и показание 1719 г. о деревнях – вполне невинное, если не учитывать обличения президента Военной коллегии, куда это показание и адресовалось: «Деревни в Вифляндии имею, а которые деревни в Ынгермоландии и оные мне не отданы и владеет ими его светлость римского и росиского князь Александр Данилович Меншиков». Неудивительно, что и светлейший насилиу терпел неугодливого остзейца, покоряясь монаршей воле¹¹.

Для понимания материального положения младшего сына шведского полковника (умер в 1705) приведенная цитата недостаточно информативна. В совокупности с многолетними хлопотами об имении¹², отобранном у его жены в ходе глобального перераспределения местных владельческих прав в условиях смены власти¹³, складывается впечатление, что недвижимость «в Вифляндии» не обеспечивала независимых от жалованья средств к существованию. То есть имущественный мотив не был определяющим в выборе дальнейшей службы молодым офицером, в 1711 г. едва ли знавшим иную жизнь, кроме военно-походной. Более важно, вероятно, то, что в его семье на шведский скипетр не смотрели как на безальтернативный – старший брат, Иоганн-Михаэль поступил под польский, да и отец Иоганна-Бальтазара служил Карлу XI лишь с 1675 г., тогда же получив права шведского дворянства¹⁴. Сам же он свое «благородство» определенно отождествлял с Лифляндией, которая еще с эпохи утверждения там немецких рыцарских орденов постоянно оказывалась на перекрестке столкновений разных корон. В акте о принятии края под российскую руку рассуждается об этом так: «...перемены в землях и областях от Всевышней дирекции зависят... Такие перемены провинция Лифляндская многократно испытала с того времени, как немецкое ее шляхетство и обыватели ... оную землю от власти нехристианского варварства освободили ... и во всем свете явная память и знак есть, что всезнающий и от веку милосердый Бог, христианское намерение первых в сию землю прибывших немцев милостивейше за благо принял и действительно и совершенно сию нацию в потомках их и оную землю... в милости сохранить изволит¹⁵».

Воспринимая состоявшееся во «Всевышней дирекции» решение как моральный императив, И.-Б. Кампенгаузен даже в свою «капитуляцию» внес сентенцию: «...яко лифляндец всемилостивейшему своему отечеству государю... отрицание учинить не возмог».

Но при этом, в отличие от многих «немцев» на русской службе, он обнаружил готовность говорить на языке своего нового государя, «знание» которого вместе со знанием «полков русских» Петр I выхвалял Б.П. Шереметеву уже в 1711 г.¹⁶

Если знание русских полков бывший шведский офицер мог приобрести независимо от собственных пожеланий, то знание языка, которым, по его оценке, он вполне овладел к 1713 г.¹⁷, приходится отнести единственно к личным усилиям. В составленных им бумагах можно найти выражения, которые писарям, работавшим в жестких рамках шаблона, никак принадлежать не могли. Об аутентичном слоге их автора свидетельствуют, например, обороты: «кавалерия и инфантерия как чеши вместе должны висеть», «преизрядный способ», «заморен и истомлен», «едва дыхание имеет», «не может без страсти и трепета пробыть», «имели... великое сердце», «однова имел он щастие», «богодарственному светославному искусству», «славы совершенно не заслужили, но последними невозможно почесть», «злонамеренные и супротивные... мысли», «втуне многие годы», «несказанная любовь и союз между войсками» и т. п.

Подобными усилиями или иными качествами И.-Б. Кампенгаузен приобретал высочайшее благоволение и впредь, проявление чего можно видеть, в частности, в его посылке в 1721 г. с известием о мире к Августу II¹⁸. Жена Кампенгаузена, Маргарита – одна из придворных дам Екатерины I. В 1714 г. на родине ей было пожаловано 15 червоных, в 1716 г. на изготовление «печального платья» по случаю похорон Натальи Алексеевны – 50 р. (сумма «второй категории» в ассигнованиях этого рода после кн. А.П. Голицыной и А.К. Толстой). Приязнь государыни, для которой она, случалось, и покупала «медикамент»¹⁹, возможно доставила ее мужу назначение в число двадцати четырех шаферов на свадьбе Анны Петровны с герцогом Голштинским²⁰.

Именно «всеуниженная служанка» Маргарита Кампенгаузен в 1724 г. била челом об обеспечении сенатского контроля за расследованием дела о появлении неких претендентов на владение их лифляндским имением²¹. В 1719 г. сам И.-Б. Кампенгаузен просил (по-немецки) Екатерину помочь его бедной семье (которую он едва содержит на одно жалованье в столь дорогом городе, где, к тому же, должен строить дом). Разделяя тут же ее тревоги о престолонаследнике, он выражал упование на то, что Бог благословит царскую

чету еще многими детьми ради благосостояния «всего нашего отечества», уверял во всегдашней преданности и искренних (а «искренняя молитва много стоит перед Господом») мольбах (в Екатерининской церкви его полка), даже если на просьбу его не будет благоприятного решения, заключая выражением желания умереть среди тех, кто состоит под присягой и милостью ее императорского величества²².

Как и многие современники, И.-Б. Кампенгаузен с пиететом относился к репутации «беспорочной службы» и награждениям за нее, в том же обращении к Екатерине 1719 г. И.-Б. Кампенгаузен напоминал, что Петр I некогда в присутствии государыни отозвался о его трудах «очень хорошо». В «сказке» подчеркивалось, что за 25 лет «как в швецком так и в росиском воиске» не только ни разу не был штрафован, «но от своих вышних командиров и слова гневного никакова не слыхал». Ординарная ревность к регалиям, однако, не помешала весьма неординарному поступку при пожаловании в июле 1712 г.: «Понеже я ... полковника которой был старе меня, обидеть не хотел и ему полковничье место уступил». Наказания за добрые побуждения, как ни странно, не было, и И.-Б. Кампенгаузен был «повторительно от его царского величества в том же 1712 году сентября в 19 пожалован в гранодерский полк в полковники²³».

Согласно капитуляции И.-Б. Кампенгаузен мог выбрать первую «ваканцию» в пехотных или в драгунских полках, к чему «он сам склонение иметь будет». Аттестация от Петра I – «детина добр» – могла иметь в виду, помимо прочего, и сложение. Многочисленные ранения также говорят о принадлежности к тем, кто «лез» вперед и вместе с тем обладал физической крепостью. Отсюда допустимо предполагать, что доставшаяся должность командира именно гренадерского полка отвечала в буквальном смысле слова складу героя этой истории, годы спустя украсившему изображениями молодцов-гренадеров свой скромный дом. Скорее скромной выглядит и служба «русского периода». Он «езде с полком своим» – и в Померании, и в «транспорте под Капенгагиным» – «по указу исполнял». Но выдвинуться чем-либо, как это было в шведском периоде карьеры, когда при осаде Полтавы ему удалось захватить в плен бригадира [А.] Головина²⁴, он не приобрел.

Завершающий этап Северной войны умножил опытность И.-Б. Кампенгаузена. Тем более, что при руководстве таким сложным

социальным организмом, как полк, информация к размышлению подпитывалась сравнением уклада обеих противостоящих армий («того ради довольные случаи были разное видеть и научиться»). Итогом этой внутренней работы стало вначале введение системы полкового учета, властью командира внедренное в практику, несмотря на первоначальное сопротивление подчиненных²⁵.

Весной 1721 г. в Риге Петр I «высмотрел» учетные книги «Кампегаузенова полка», повелев подать о них «роспись». Это дало полковнику повод «сверх должности своей попечение» иметь²⁶ и вскоре представить целый проект на тридцати восьми листах, фиксирующий организационные недостатки и предлагающий меры по их исправлению.

Стержневым в «Предложении...» было обоснование необходимости регулярного генерального смотра воинских частей как средства водворения в армии «юстиции», «розмерного» содержания казны и «людства», контроля за подлинным благополучием рекрут и солдат (вместо показного, когда полк «издали украшен», а чулок, рубах и башмаков не имеет) и в конечном счете установления духовных уз между «регулярной силой» и монархом как братом своим и отцом отечеству.

В русле общего тренда эпохи Просвещения, выразившегося в понимании критической позиции как общественной добродетели²⁷, И.-Б. Кампенгаузен предварил свой проект декларацией – «те дела, которые к человеческому рассуждению происходят, ежедневно тщание имеется исправить»²⁸. С разной степенью подробности он остановился на вопросах обеспечения войск мундиром, оружием, амуницией, провиантом; комплектования рекрутами, на задачах подготовки рекрут, солдат, младших офицеров; на формах регистрации разных сторон деятельности полка (в единицах от «копейки» в расходах его казны до числа верст «на маршах», «командирований» в боевые партии и на «работы»).

Любопытно, что при постоянном сравнении русских порядков со шведскими армия победителей выдерживала его только в одном пункте – «учении» и овладении стрельбой и воинскими приемами. Казалось бы, признание этого факта наряду с общеизвестным итогом войны лишала умозаключения всякого значения. По существу же речь шла о цене одержанной и будущих побед. «Многолюдственное росикское государство» компенсирует потери от того, что рекруты (скованные, «яко заключены в чепях») массово

умирают по дороге, и доходят до полков, уже не годными к службе, либо вскоре бегут, отвращенные «от солдатского жития». Потери эти не оправданы, как и проистекающие из болезней босых солдат, беспорядочного распределения нагрузок между полками и внутри полков, «несносного» для самолюбия добросовестных офицеров.

И.-Б. Кампенгаузен не сомневался, что нация призвана мобилизовать все силы для своей армии, но восставал против затрат «излишних» и «напрасных». Слабо представляя себе традиционный уклад и нормы социальных взаимоотношений или благополучия «обывателей» коренной России, он не догадывался, что «бедные» рекруты, «бедные» солдаты и «бедные» офицеры едва ли были радикально «беднее» прочих подданных. Если им и приходилось вопреки «регламентам» покупать рубахи и башмаки на свои деньги, то, в отличие от многих, деньги на это у них находились. Что же касается требований от младших командиров навыков «эконома и бухгалтера», то и не «умеющие им» офицеры по выходе в отставку успешно справлялись с административными задачами уже на гражданских постах. Ведь в искусстве управления, как и во многих других областях, армия играла эталонную роль для остального российского общества еще полтора столетия после описываемых событий. Но это никоим образом не умаляет важности для характеристики личности И.-Б. Кампенгаузена того живого сочувствия к новым соотечественникам, которым пронизан весь текст его сочинения.

Какой отклик «Предложение» получило у Петра I, неизвестно. По-видимому, подобно большинству отложившихся в «Кабинете» преобразователя проектов, никакого, раз в последующих обращениях на высочайшее имя И.-Б. Кампенгаузен о своей инициативе не упоминал. Переключка высказанных в нем соображений с реформированием армии в первой половине 1730-х гг. выходит за рамки настоящей статьи, но здесь уместно затронуть проблему эффективности рационального управления им самим – командиром, который, безусловно, не был ленив, «пренебрегателен» и корыстен. Такую возможность дает сопоставление «Ведения»²⁹ о состоянии его полка на 1719 г. (составлено по общей схеме, без дробности регистрации всех «статей», необходимость которой доказывалась автором «Предложения») с аналогичными сведениями по другому гренадерскому полку, действовавшему в рассматриваемый период примерно в том же регионе³⁰.

Гренадерский полк Кампенгаузена									
	бежа- ло	умер- ло	уби- то	несч. случаи	пле- нено	нака- зано	отстав- лено	пере- ведено	при- было
1713	37	52	18	–	1	–	3	2	–
1714	46	24	1	2	–	1	24	3	520
1715	40	36	–	–	–	–	13	149	262
1716	39	22	–	–	–	2	1	3	–
1717	18	18	–	–	–	–	–	–	–
1718	21	11	–	–	–	1	5	–	9
1719	18	27	–	1	–	1	33	–	–
Гренадерский полк Ласси									
	бежа- ло	умер- ло	уби- то	несч. случаи	пле- нено	нака- зано	отстав- лено	пере- ведено	при- было
1713	25	71	17	–	–	–	–	4	6
1714	33	33	–	2	–	–	28	6	540
1715	12	20	–	1	–	1	5	79	134
1716	11	20	–	–	–	–	–	8	23
1717	9	6	–	–	–	–	–	3	35
1718	1	6	–	1	–	–	10	–	17
1719	20	24	–	–	–	2	–	6	171

По всем основным показателям заметно сходство динамики. Но если принять за основу оценки благополучия «снизу» данные о беглых, то видно, что в этом отношении полк И.-Б. Кампенгаузена уступал своему соседу, показывая тем самым, что его «искусное», честное и не безразличное к «низшим» управление панацеей от коренных болезней армейской действительности не стало.

Разочарование в профессиональных занятиях, желание устроить хозяйственные дела или иные причины, а быть может, и заявленное в качестве повода ухудшение здоровья – но что-то побудило полковника в 1724 г. подать челобитную об отставке. Он просил дать ему возможность «остаточную жизнь» провести на вакантной со времени «шведского владения» должности штатгальтера Дерптского и Перновского уездов³¹.

Отставка, хотя «капитуляция» и предполагала право на ее получение по истечении каждого следующего года военной службы, не последовала. Напротив, в 1726 г. И.-Б. Кампенгаузена произвели в генерал-майоры, хотя при этом он до марта 1729 г. (относя данный факт к «обидам» от А.Д. Меншикова) продолжал получать полковничье жалованье³². Тогда же ему представилась возможность продемонстрировать на практике важность скрупулезного полкового учета и «генерального смотра». Масштабное освидетельствование

персонального состава, мундира, оружия и другой «арматуры» целого ряда полков Военная коллегия осуществляла впервые силами генералитета, что явно не вызывало энтузиазма в среде последнего. Коллеги И.-Б. Кампенгаузена, если не удавалось, отговориться болезнью, стремились по возможности отсрочить выполнение этого поручения под предлогом того, что «зимний путь рушится», в сущности сухарей «выйдет помешательство» и т. д. А когда отговориться не удавалось, представляли формальные, в несколько строчек отписки о полной исправности «смотренных» частей, оговаривая, самое большее, что «в которых полках была некоторая разнь, она надлежащим образом поправлено», либо о необходимом поданы «табели»³³.

И.-Б. Кампенгаузен же о Каргопольском драгунском, Муромском (так с 1727 именовался полк, бывший некогда под его командой³⁴), Белозерском, Выборгском, Сибирском, Рязанском пехотных полках составил подробнейшее донесение³⁵, в котором нашлось место указанию «марок» наличного оружия («тульского», «олонецких калиберов», шведского), вынужденного долговременного – до 16 сроков – использования вещей и большой «пестроты» в камзолах, епанчах и кафтанах вплоть до покупных «мужичьих», «великого оскудения» в сапогах, башмаках, чулках, рубахах и портах, «великой некрасоты» в шляпах (на которых от дождя выступает клей, а поля обвисают), нехватки в «некоторых» ящиках патронов и картечи (затребованных, но не полученных полками). При высокой оценке «исправности» в учении отмечены сбои в темпах маневрирования и в барабанных сигналах (происходящие от присоединения гренадерских рот без соответствующего изменения нормативов) и особо бедственное положение Рязанского полка, как стоящего «в степном месте», без возможности найти дерево для починки оружейных палуб, повозок и т. п.

Наконец, особо отмечено хорошее в целом качество пополнения при наличии одного «подлогом» сданного беглого и нескольких рекрут, взятых не из крестьянского, а из духовного сословия. И, помимо указания конкретных деталей, к случаю повторены любимые мысли «Предложения» – о вынужденном расходовании солдатского жалованья на мундирные вещи, о чрезмерном отягощении солдат на марше, о необходимости персонального опроса рекрут.

Какие последствия имело донесение И.-Б. Кампенгаузена для названных полков, не установлено. Известно лишь, что вскоре после

этого, по-видимому, первого знакомства с собственно российскими землями, генерал-майор, уже заседая в призванной к «благоустроению» армии Воинской комиссии 1730 г., подал новое прошение об отставке. Напоминая о своей двадцатилетней службе империи, он просил возместить понесенные в результате войны потери семьи в недвижимости, ссылаясь между прочим на то, что «помещикам ингерманландским, которые остались в стороне шведской, за отнятые их в Ингерманландии деревни даны всем в награждение деревни в Швеции». Ему же «никакого здесь награждения не учинено, а и в Швеции за то, что ...во время прошедшей войны в российской службе был весьма отказано». На прошении императрица Анна Иоанновна написала только: «Позволяется ему апшит дать³⁶».

«Остаточная жизнь» И.Б. Кампенгаузена в русских источниках практически не отражена. В Петербурге вспомнили о нем только в следующее царствование, когда искали управителя для территории, занятой в ходе Русско-шведской войны 1741–1743 гг. При ее уступке в 1744 г. Швеции он, как живое олицетворение примирения двух стран, получил от Фредерика I титул шведского барона, а от Елизаветы Петровны орден Александра Невского³⁷ и опять исчез с имперского горизонта.

Имение И.-Б. Кампенгаузена – ныне музей

Возможно, именно период жизни на покое, в окружении семьи стал для него временем исполнения желаний и обретения внутреннего мира, к которому он «с покорною ревностью» стремился многие годы.

Выбор подданства по следам рижских «аккордных пунктов» 1710 г. лишь однажды выделил его из «своей братии» иностранных офицеров, делавших тогда карьеру на русской службе. Его собственная карьера сложилась благополучно, но не блестяще, не покупая невыгодного, как сам он считал, положения по сравнению с «помещиками», выбравшими «сторону шведскую». Тот же выбор сохранил для И.-Б. Кампенгаузена возможность быть лифляндецем в Лифляндии и вместе с тем включил его имя в число не героев, но деятелей русской истории. Усвоив русский язык, он не обрусел. Свято веруя тексту указов и распоряжений, не научился читать между строк. Твердо придерживаясь буквы закона, сопереживал «бедным солдатам» и сам зачастую поступал вразрез с духом времени. И.-Б. Кампенгаузен не снискал славы и богатства, но не подвергся и всегда сопровождающим их напастям. И при всей неоднозначности натуры не остался в стороне от духовных поисков тех своих новых соотечественников, кого обаяние гения и энергии Петра побудили «ревновать» об улучшении служебного порядка, отождествляемого с порядком жизненным.

¹ Родословная книга, издаваемая кн. П. Долгоруковым. СПб., 1856. Ч. 3. С. 348–349; Энцикл. слов. / изд. Ф. А. Брокгауз – И.А. Ефрон. СПб., 1895. Т. XIV [полумтом 27: Калака–Кардам]. С. 215; Рус. биогр. слов. СПб., 1897. Т. 8: Ибак – Ключарев. С. 445.

² URL: <http://renatar.livejournal.com/558622.html>; <http://www.latvia.travel/ru> (дата обращения: 20.01.2014).

³ Речь идет о формально выборной ландратской должности (с 1721) и особенно Комиссии для рассмотрения прав на маентности в Лифляндии (1723), о работе в Комиссии по пересмотру Воинских артикулов в октябре 1720 – марте 1721 и Воинской комиссии 1 июня – 15 октября 1730 г. (Бабич М.В. Государственные учреждения XVIII века: комиссии петровского времени. М., 2003. С. 436–437).

⁴ Родословная книга, издаваемая кн. П. Долгоруковым. С. 348; Кавалеры императорского ордена Св. Александра Невского / Сост. В.П. Пономарев, В.М. Шабанов. СПб., 2009. С. 246.

⁵ РГВИА. Ф. 2. Оп. 12/3. Св. 3. Ед. хр. 27. Л. 150 об.

⁶ Там же. Л. 150.

⁷ ПСЗ. Т. 4. № 2279.

⁸ Упомянутого в донесении «прилагаемого» документа об этом в публикации нет (Сб. РИО. Т. 50. СПб., 1886. С. 356).

⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 32. Кн. 2008. Л. 100.

¹⁰ Имеется ввиду обиходное указание на лиц равного с называемым (его «братии») положения.

¹¹ По его «вседневным запискам» видно, что, как подчиненный командир, И.-Б. Кампенгаузен регулярно являлся во дворец на Васильевский остров для докладов, но, в отличие от других, ни разу не был отмечен как приглашенный к столу (Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 2000. Т. X. Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова. 1716–1720, 1726–1727 гг. / Публ. С.Р. Долговой и Т.А. Лаптевой. С. 390, 392, 394, 465, 473, 480, 483–485, 488–489, 521, 528, 533 и др).

¹² В апреле 1716 г. И.-Б. Кампенгаузен подал челобитную: «...В прошлом году Ваше царское величество пожаловал мне в аренду две мызы в Эстляндии. А потом оные мызы паки у меня взяты...» Вместо помянутых мыз он просит пожаловать ему в Дерптском уезде мызу Ранден с принадлежащими к ней деревнями, которой ныне владеет жена шведского подполковника Крюденера и с которой он обязуется «платить против других» (РГАДА. Ф. 9. Отд-ние II. Кн. 30. Л. 247). В тезоименитство Екатерины I в 1719 г. он напомнил о своей просьбе (РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. Ед.хр. 4. Л. 89 а). В 1720 г., отмечая получение «место вотчин жены» и в результате хлопот своих и покойного тестя, доктора Донеля данной мызы в аренду, он сообщает об исправном взносе положенных платежей, но просит ради лучшего пропитания своих шестерых детей предоставить ему эту мызу в наследственное владение «по шляхецкому стадиону» со значительным сокращением налоговых выплат – с 471 р. 90 к. до 211 р. 90 к. (РГАДА. Ф. 9. Отд-ние II. Кн. 39. Л. 43) и эту милость получает (Сб. РИО. СПб., 1889. Т. 69. С. 244). В 1722 г. он просит уже о получении патента на право владения (РГАДА. Ф. 9. Отд-ние II. Кн. 60. Л. 447–448).

¹³ РГАДА. Ф. 9. Отд-ние II. Кн. 39. Л. 43.

¹⁴ Брат отца И.-Б. Кампенгаузена, Лоренц – десятью годами ранее: с этих лет и отсчитывается в русской генеалогической традиции дворянство двух ветвей рода (Родословная книга, издаваемая кн. П. Долгоруковым. С. 348).

¹⁵ ПСЗ. Т. 4. № 2279.

¹⁶ Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1964. Т. 11, вып. 2. С. 80.

¹⁷ РГАДА. Ф. 9. Отд-ние I. Кн. 29. Л. 400 об., 414, 420, 424, 429, 438 и др.

¹⁸ Сб. РИО. Т. 3. СПб., 1868. С. 334.

¹⁹ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872. Т. 2. С. 3, 49, 53.

²⁰ Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца 1721–1725 (окончание) // Юность державы / Сост. В. Наумов. М., 2000. С. 311.

²¹ РГАДА. Ф. 9. Отд-ние II. Кн. 70. Л. 146.

²² Там же. Оп. 5. Ед. хр. 4. Л. 89 а. *За перевод с немецкого языка текста документа автор благодарит П.И. Прудовского.*

²³ Там же. Ф. 2. Оп. 12/3. Св. 3. Ед. хр. 27. Л. 150 об.

²⁴ Там же. Л. 150.

²⁵ Там же. Ф. 9. Отд-ние I. Кн. 29. Л. 401, 416.

²⁶ Там же. Л. 416 об., 424.

²⁷ Мир Просвещения: исторический словарь / Под ред. В. Ферроне и Д. Роша. М., 2003. С. 579.

- ²⁸ РГАДА. Ф. 9. Отд-ние I. Кн. 29. Л. 400.
- ²⁹ РГВИА. Ф. 2. Оп. 12/3. Св. 3. Ед. хр. 27.
- ³⁰ Там же. Ф. 490. Оп. 2. Ед. хр. 50.
- ³¹ РГАДА. Ф. 9. Отд-ние II. Кн. 70. Л. 145.
- ³² Сб. РИО. СПб., 1894. Т. 94. С. 271–275.
- ³³ РГВИА. Ф. 23. Ед. хр. 207. Л. 11 об., 12 об., 15, 16 и др.
- ³⁴ Кушпетовский Н. Памятка Муромского полка: к 200-летию юбилею. 1708–1908. Варшава, 1908. С. 7.
- ³⁵ РГВИА. Ф. 23. Ед. хр. 207. Л. 17–20.
- ³⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 32. Кн. 2008. Л. 99–99 об.
- ³⁷ Родословная книга, издаваемая кн. П. Долгоруковым. С. 348–349; Рус. биогр. слов. Т. 8. С. 445.